

ВЕЛАСКЕС

Александр Яковлевич

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Александр Корсаков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ГАЛИНА УЛАНОВА

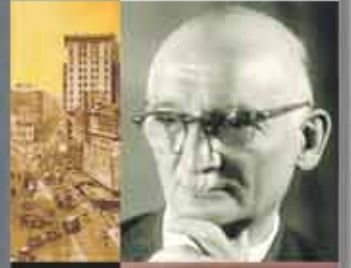
Ольга Кобалик

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Дмитрий Савицкий

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АБЕЛЬ-ФИШЕР

Николай Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Е. Евтушенко

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ФЕВРАЛЬ 2016 № 1 (18)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ *стр. 2*

Николай ДОЛГОПОЛОВ:
«Я ОТДЕЛИЛ АБЕЛЯ ОТ ФИШЕРА»

Во время вручения премии СВР тогдашний директор службы спросил: «Какие есть пожелания?» Два «закрытых» лауреата стали при этих словах по стойке смирно. Они молчали, а я произнес: «Если можно, я бы хотел встретиться с одним человеком...» И я рассказал, что я знаю о нем в общих чертах. Директор кивнул, но моя просьба понравилась не всем.

НОВИНКИ *стр. 3*

Е. Матонин
«ЯКОВ БЛЮМКИН»
В. Шубинский
«АЗЕФ»
А. Ливергант
«ГЕНРИ МИЛЛЕР»
А. Шартон
«ДЕБЮССИ»
И. Левина, Д. Володихин
«ПЕТР И ФЕВРОНИЯ»
М. Бондаренко
«МЕЦЕНАТ»

ЮБИЛЕЙ *стр. 4–5*

15 февраля выдающемуся отечественному ученому, специалисту в области истории России XVII–XVIII веков, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Николаю Ивановичу ПАВЛЕНКО исполнилось 100 лет. Значительная часть жизни этого признанного классика историко-биографического жанра связана с издательством «Молодая гвардия» и серией «ЖЗЛ».

КНИГА—СОБЫТИЕ *стр. 6*

«Голливудский фильм “Шпионский мост” показался мне неплохим, но это — художественное произведение, в котором — помимо мелких ошибок и недочетов — кое-где неверно расставлены акценты. В первую очередь это касается адвоката Джеймса Donovan, который выведен в фильме как человек, который спас Абеля. С одной стороны, это совершенно справедливо: если бы не Donovan, Абеля, возможно, приговорили бы к казни на электрическом стуле. С другой стороны, Donovan был профессиональным, махровым разведчиком: во время Второй мировой войны он занимал высокий пост помощника начальника американской военно-морской разведки. Всякий раз, подсаживаясь к Абелю в камеру, Donovan пытался его сломать, перевербовать».

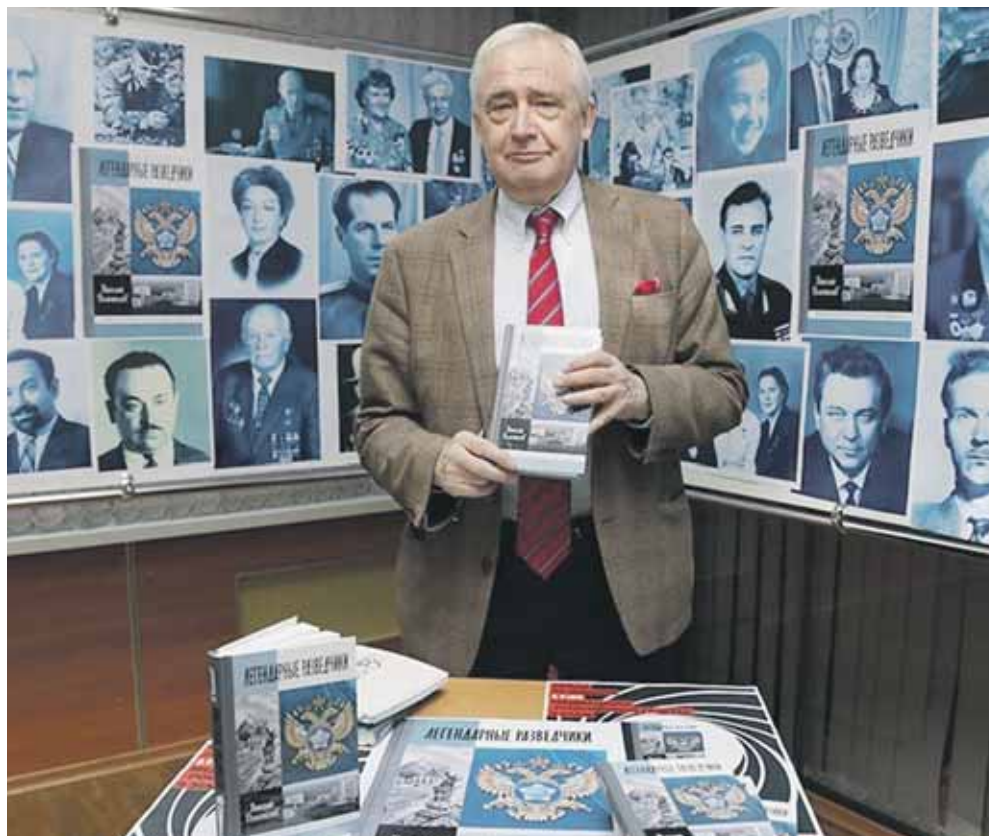
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ *стр. 7*

В преддверии 25-летия ОАО «Молодая гвардия» его генеральный директор Валентин Юркин вспоминает об ушедшей в прошлом году из жизни Людмиле Ивановне Швецово, которая была давним другом нашего издательства.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ *стр. 8*

Задать вопрос любимому автору, пообщаться с ним, обсудить перипетии судьбы героя, которого считаешь своим, — для многих читателей нет ничего желаннее. Клуб читателей «ЖЗЛ» — это площадка для дискуссий вокруг героев, судеб, эпох. Столкновение авторского и читательского взглядов, общение, автографы и фотографии на память. Авторы становятся ближе...

Николай ДОЛГОПОЛОВ принадлежит к числу самых уважаемых молодогвардейских авторов. С его книги «Гении внешней разведки», вышедшей в серии «Дело №...» в 2004 году, началось плодотворное сотрудничество «Молодой гвардии» со Службой внешней разведки (СВР) России. А новинка серии «ЖЗЛ» «Легендарные разведчики» подвела своеобразный итог его работы в области истории отечественной внешней разведки. Мы побеседовали с Николаем Михайловичем о его отце, творческом пути и о том, как он пришел в «Молодую гвардию».

Николай Долгополов на презентации «Легендарных разведчиков» в медицентре «Российской газеты» 20 января 2016 года

Николай ДОЛГОПОЛОВ:

«Я ОТДЕЛИЛ АБЕЛЯ ОТ ФИШЕРА»

— Книгу «Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны» вы посвятили дошедшему до Берлина отцу — фронтовому корреспонденту. Расскажите о нем.

— Мой отец — Михаил Николаевич Долгополов — родился в 1901 году. Добровольцем пошел в Красную армию, дослужился там до высоких званий, а потом демобилизовался: мечтал стать журналистом. Начинать с маленьких изданий. В 1925 году он стал одним из отцов-основателей газеты «Комсомольская правда». Работой в «Комсомолке» он гордился потом всю жизнь. В 1938 году перешел в «Известия», где трудился до самой смерти в 1977-м. Он говорил, что любит «Известия», но «Комсомолка» навсегда осталась для него газетой особенной, и он повторял мне: «Наслаждайся — второй такой газеты не будет!» Отец был литературным критиком, писал киносценарии, либретто для балетов... В 1937 году вместе со своим другом Ильей Бачелисом он написал сценарий фильма «Граница на замке» — с тех пор это выражение вошло в русский язык. Потом были фильмы «Сильва» со знаменитым Яроном, «Девичья весна» о «Березке» — это название ансамбля он придумал для первой жены — Надежды Надеждиной.

— Какой след в его жизни оставила Великая Отечественная война?

— С войной были связаны два главных, важнейших для него события. Во-первых, после взятия Берлина он — корреспондент Совинформбюро и «Известий» — присутствовал при подписании Акта о капитуляции Германии. А во-вторых, в течение нескольких месяцев работал спецкором на Нюрнбергском процессе. Был единственным советским журналистом, кто побывал на двух этих исторических событиях, и страшно этим гордился. Впрочем, он считал всё, что было связано с войной.

Домой к нам постоянно приходили фронтовики, легендарные военные корреспонденты... В числе гостей были Егоров и Кантария, водрузившие красный флаг над рейхстагом, их командир капитан Неуструев, с которыми отец познакомился, когда описывал взятие Берлина. До него отец дошел в нечищенных сапогах. «Так быстро шли!» — объяснял он. Как горячо обсуждались тогда военные темы! До сих пор я не написал обо всей жути, им пережитой. Сам же он о войне писать не любил. Возможно, потому, что на войне его ранили, нога долго не заживала, и он долго ковылял на костылях. Отец был высокоченного роста, и друзья-фронтовики называли его «живой мишенью».

Война оставила в его жизни тяжеленный след: лишила двух братьев и матери. Старший брат погиб в ополчении под Москвой. Младший Коля был человеком бесстрашным; огромный, двухметровый, он воевал в штрафбате сержантом. Отец, понятно, за него сильно переживал. Николай погиб во время страшных боев под

Кенигсбергом — уже после 9 мая. Отец рассказывал, что когда он смотрел, как Жуков подписывает Акт о капитуляции, на душе у него было неспокойно — грызло жуткое предчувствие. Не выдержав гибели любимого Коленки, от горя умерла мама. Отец решил тогда, что если у него родится сын, то он назовет его в честь младшего брата. Так и произошло.

Война стала священной и для меня, хотя я родился в 1949-м. Но как иначе, если война так прошла по всей нашей семье, так ее вырвала.

— Насколько я знаю, отец ваш был связан с «Молодой гвардией».

— Да, он много писал о литературе, искусстве. Где-то в нашем архиве хранится газетная вырезка — статья отца, посвященная Горькому и возрождающейся серии «ЖЗЛ». Всё началось с этого. Ну а, кроме того, будучи сотрудником литературного отдела «Комсомолки», а потом «Известий», отец писал рецензии на молодогвардейские книги. Но его собственные книги в «Молодой гвардии» никогда не выходили: их публиковало издательство «Известия».

— А как попали в «Молодую гвардию» вы?

— Я учился в инязе имени Мориса Тореза. Отец с мамой болели, денег было мало, и каждое лето, да и не только, я подрабатывал переводчиком. Знал английский и — чуть хуже — французский. Мотался по нашей необъятной с делегациями иностранных спортсменов, приезжавших на соревнования в СССР. Чаще всего переводил для сборных США.

А потом я унаследовал профессию отца — стал журналистом. В 1973 году меня — сначала внештатно — взяли в «Комсомолку». Наш отдел спорта жил тогда особой жизнью, мало напоминающей брежневский застой. Советские спортсмены побеждали в престижных международных соревнованиях. Коллеги удивлялись, откуда у меня столько знакомых в мире спорта. К примеру, с хоккейным вратарем Владиславом Третьяком мы на «ты» с 1975 года. Так, участвуя в институте, я работал в спорткомитете СССР по три-четыре месяца в году: как только появлялась работа, я был уже тут как тут, и меня посылали то с баскетбольной сборной США в Таллин, то с судьями в Киев.

В 1975-м я пришел в редакцию спортивного и военно-патриотического воспитания «Молодой гвардии». В спортивном молодогвардейском ежегоднике появились мои первые большие статьи. А в 1979-м — страшно сказать, сколько лет кануло, — в «Молодой гвардии» вышел мой путеводитель по «Олимпиаде-80». О грядущих Олимпийских играх в Москве я — без хвастовства — всё знал назубок. Жил напротив дома, где располагался «Оргкомитет «Олимпиада-80»». Та книга — первый мой полужурналистский опыт. Но настоящий успех в начале и середине 1980-х имела вышедшая двумя тиражами (в сумме — 250 тысяч экземпляров) книга «По ту сторону спорта». В ней я рассказывал о своих зарубежных поезд-

ках в качестве спецкора «Комсомолки». К примеру, в 1976 году мне посчастливилось попасть на матч «Торонто Мейпл Лифс» — «Филадельфия Флайерз»: так я в деталях увидел (и описал) одну из самых грандиозных драк в истории НХЛ! А еще я работал переводчиком в ледовом шоу фигуристов «Холидей он Айс», в котором выступали мировые знаменитости-чемпионы. В СССР мало кто выезжал за границу или общался с иностранцами, и моя книга вызвала большой интерес. Меня даже представили на премию Ленинского комсомола, и я понял, что надо идти дальше.

— Получается, вы специализировались на спорте. Как и когда вы заинтересовались историей отечественной разведки?

— С 1 по 17 мая 1986 года как редактор отдела физического и военно-патриотического воспитания «Комсомольской правды» я провел 17 дней — не 16 или 18, а именно 17 — в закрытой зоне Чернобыля. Мы выезжали в пораженную радиацией 30-километровую зону в обычной одежде и только на девятый день стали надевать какие-то бахилы, шапочки, еще что-то... Я подхватил свою дозу, валялся в больнице, лечился в санаториях. Тогдашний главный редактор «Комсомолки» Геннадий Николаевич Селезнев, чувствуя ответственность за то, что послал меня в Чернобыль, решил отправить меня совсем в другое место — сборком в Париж. Пришлось вспомнить французский, и в этой стране — думаю, не без пользы для редакции, — я провел на сломе эпох пять с половиной суровых и прекрасных лет — с 1987 по 1993 год.

Поначалу я загрузил и думал, что через неделю или две напишу Селезневу письмо с просьбой отозвать меня. Во Франции мне было как-то неинтересно — чужая страна, непонятные люди, — хотя жили мы в самом центре Парижа — напротив ЮНЕСКО, в двух шагах от Эйфелевой башни, на фоне которой наши гости фотографировались, выходя на балкон. Но когда мы праздновали Новый, 1988 год, во мне что-то поменялось. Нам с женой привезли мебель, которую мы купили для корпункта. Заглась елка. Общаясь с друзьями, которые к нам пришли, я подумал: «Надо бы начать выкладываться здесь по-настоящему». В результате я пробыл во Франции чуть ли не в два раза дольше, чем планировалось изначально. У нас родился сын, которого, понятно, назвали в честь отца — Мишей. Именно во Франции начался у меня чрезвычайно плодотворный период: я писал множество статей, заочно соревнуясь с корреспонденткой «Комсомолки», которая жила в Штатах; мы бились за звание лучшего сборка.

Во Франции у меня завелось так много знакомых, что я здоровался со встречными на парижских улицах. Круг моего общения ширился, и постепенно я стал проходить туда, куда русских почти не пускали. Я знал руководителя молодежного движения Франции Николя Саркози и мэра Парижа Жака Ширака, общался с женой Миттерана Даниэль. Что ка-

сается наших соотечественников, то я познакомился с белой гвардией, которая в силу разных причин приняла меня. В Париже часто общался с Эдиком Лимоновым, познакомился с писателем Владимиром Максимовым — оказалось, что его женой была дочь Полторацкого, начальника моего отца в «Известиях». Виктор Полторацкий был самым суровым литературным критиком Советского Союза, а его дочь вышла замуж за писателя, которого из СССР выслали. Нагло — через головы дипломатов — хлопотал я прямо перед послом о возвращении им советского гражданства.

Словом, Францию я узнал неплохо. Однако от наших советских, российских дел я совсем отошел: вернувшись в Москву, я не совсем понимал, что происходит. Меня назначили заместителем главного редактора «Комсомольской правды», я отвечал за спорт и международные отношения. С ними всё было в порядке, а вот с внутренней политикой... Порой я не понимал, что творится с моей страной. Главный редактор Владислав Александрович Фронин как-то сказал мне: «Коля, надо тебе поскорее вживаться!» Оказалось, что Главному звонил директор Службы внешней разведки Евгений Максимович Примаков и просил прислать толкового парня в открывающееся Пресс-бюро. Я согласился и к теме разведки, которой никогда ранее не занимался, «прикипел».

— «Гении внешней разведки» стали первой вашей книгой о разведке, которая вышла в «Молодой гвардии». Потом вы были одним из составителей и авторов книги «Элита русской развед-

ки», вышедшей в той же серии «Дело №...». Теперь появился еще один сборник — «Легендарные разведчики» в серии «ЖЗЛ». Поясните, в каком соотношении находятся три эти книги.

— «Гении внешней разведки» стали первой моей фундаментальной работой о нелегальной атомной разведке. В тот момент — в 2004 году — книга казалась настоящим открытием и даже неожиданно получила литературную премию «Александра Невского». С помощью Пресс-бюро удалось найти многих наших атомных разведчиков. Некоторые из них открылись совершенно по-новому; были развенчаны разнообразные мифы, которые, правда, распространяются до сих пор.

Например, я, наконец, «отделил» Абеля от Фишера. Я встречался с родственниками Фишера, а из родственников настоящего Абеля ничего не осталось, кроме племянника, который жил в Риге. Я узнал о нем из статей писателя и историка Николая Сунгоркина. С Авангардом Абелем мы обменивались письмами, и они, даже короткие, позволили мне лучше понять настоящего Абеля — сына латыша-трубочиста, который говорил на шести языках и тоже, как и Фишер, был нелегалом. Кстати, тогда я сделал вывод, что Абель и Фишер познакомились в Китае, еще до отъезда Фишера в нелегальные командировки, где оба работали под крышей наших дипломатов радистами. Там и подружились.

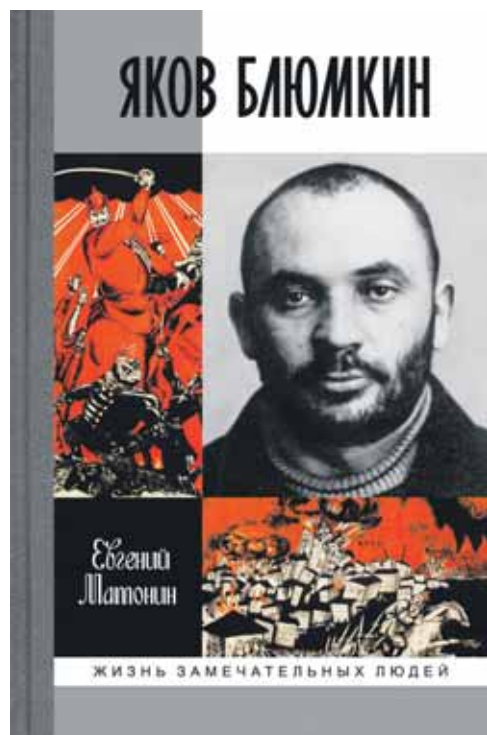
Когда я работал над «Гениями...», мне посчастливилось повстречаться с целым рядом великих разведчиков, которым в 1996 году присвоили звание Героев России. Со многими — до самой их кончины — я потом поддерживал личные, человеческие отношения. К Александру Семеновичу Феклисову ездил я, а Владимир Борисович Барковский приезжал ко мне, и ближе контакта найти уже, думаю, невозможно. Я даже удивлялся, как мне всё это позволяют! Разрешили, в частности, встретиться с американцем Морисом Коэнном, который с женой Лоной, если откровенно, и похитил для нас чертежи бомбы. Коэнн признался мне, что впервые общается с русским журналистом. Проговорили мы с ним по-английски четыре с половиной часа.

В то же время «Гении...» писались очень аккуратно, и там было много начатого — и незаконченного. Я понимал, что эту тему нужно развивать. Загадок оставалось множество.

Во время вручения премии СВР тогдашний директор службы спросил: «Какие есть пожелания?» Два «закрытых» лауреата стали при этих словах по стойке смирно. Они молчали, а я произнес: «Если можно, я бы хотел встретиться с одним человеком...» И рассказал, что знаю о нем в общих чертах. Директор кивнул, но просьба моя понравилась не всем.

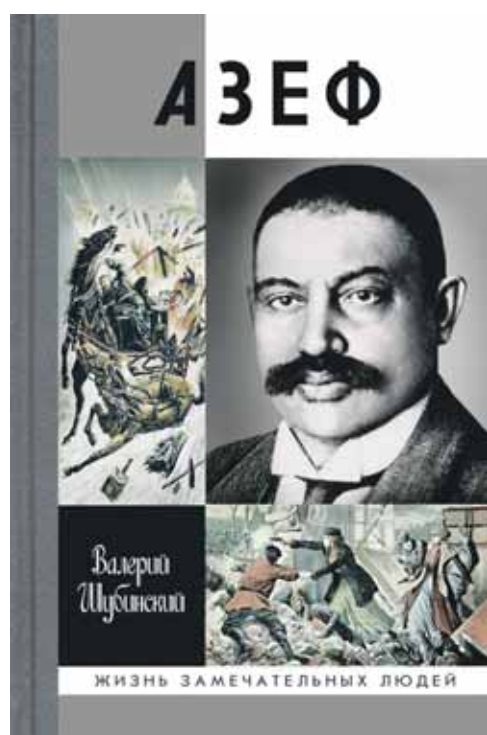
Сергей Коростелев

ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

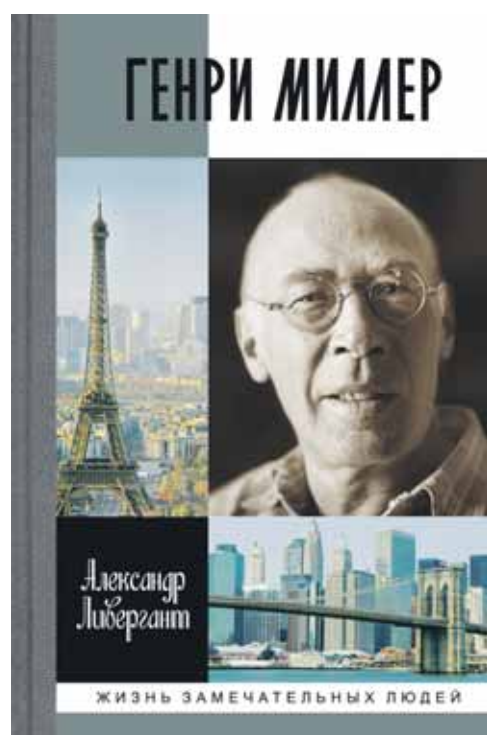
Короткая жизнь Якова Блюмкина (1900—1929) до сих пор остается вереницей загадок, тайн, «белых пятен», хотя он дружил, враждовал, застольничал со многими литераторами, среди них Есенин, Маяковский, Мандельштам, Георгий Иванов... Одни оставили о нем воспоминания, похожие на памфлеты, другие включили в произведения: «Человек, среди толпы народа / Застреливший императорского посла, / Подошел пожать мне руку, / Поблагодарить за мои стихи» (Н. Гумилёв). И это — убийство в 1918-м германского посла фон Мирбаха, давшее старт восстанию левых эсеров против большевистского правительства — единственный факт его биографии, не подлежащий сомнению. Кем же он был на самом деле — революционером, авантюристом, разведчиком, провокатором, тайным агентом высланного из СССР Троцкого? Евгений Матонин предпринял, пожалуй, первую попытку восстановить на основе сохранившихся документов реальную биографию этого колоритного «героя» своего времени, который являл собой все противоречия эпохи великих потрясений.

ПРЕДАВШИЙ ВСЕХ

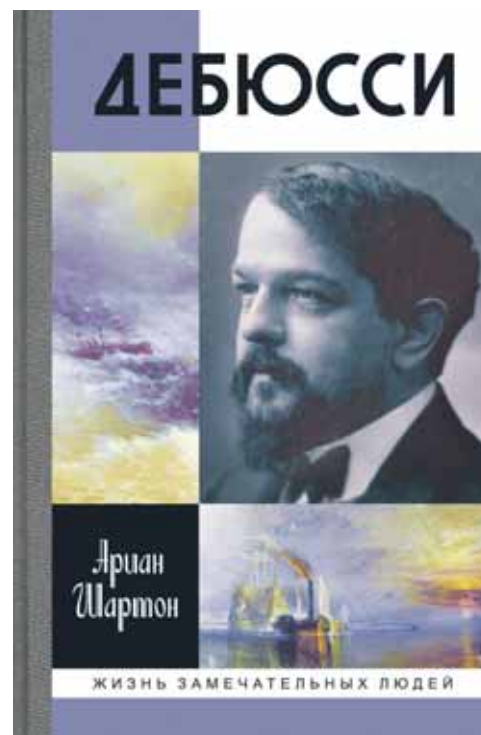
Во все времена самые большие проблемы для секретных служб создавали агенты-провокаторы, ибо никогда нельзя было быть уверенным, что такой агент не работает «на два фронта». Одним из таких агентов являлся Евгений Филиппович Азеф (1869—1918), который в конечном счете ввел в заблуждение всех — и эсеровских боевиков, и царскую тайную полицию. Секретный сотрудник Департамента полиции, он не просто внедрился в террористическую сеть — он ее возглавил. Как глава Боевой организации эсеров, он организовал и успешно провел ряд терактов, в числе которых — убийство министра внутренних дел В. К. Плеве. В то же время, как агент охранного отделения, раскрыл и сдал полиции множество революционеров. Судьба Азефа привлекала внимание писателей и историков. И все-таки многое в нем остается неясным. Что им двигало? Корыстные интересы, любовь к рискованным играм, властолюбие... или убеждения? Автор книги, писатель и историк литературы Валерий Шубинский, представил свою версию биографии Азефа.

ЛУЧШИЙ В МИРЕ СОБЕСЕДНИК

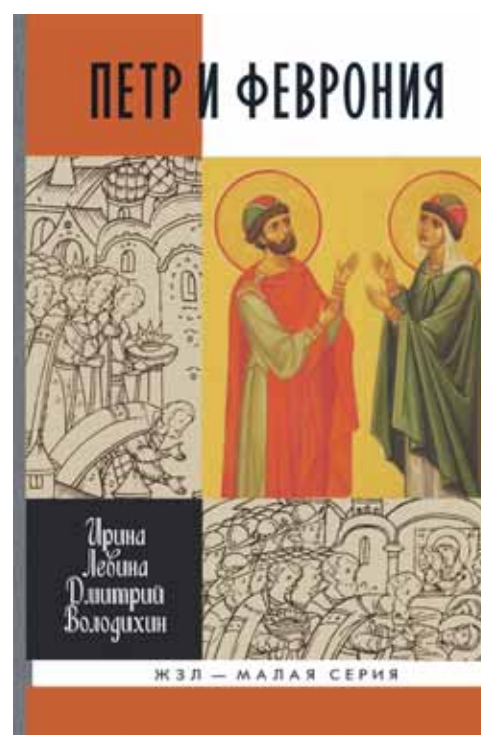
Жизнь американского писателя Генри Миллера (1891—1980) легла в основу его романов «Тропик Рака», «Тропик Козерога», «Черная весна» и трилогии «Роза распятая», оказавших в свое время шокирующее воздействие на читателя. Помимо потока воспоминаний, замечаний, мыслей он с небывалой откровенностью излагает в них подробности интимной жизни — и своей, и своих героев. Книги Миллера десятилетиями находились под запретом и не издавались, а их создатель вечно скитался и существовал за чужой счет. Друзья говорили, что он был «лучшим в мире собеседником» и непревзойденным рассказчиком, от него «исходила какая-то животворящая сила» и «при любых обстоятельствах он умудрялся что-то давать людям». Писатель, переводчик и критик Александр Ливергант прослеживает в своей книге, насколько близко соотносятся асоциальный герой «Тропика Рака», беспринципный бродяга и маргинал, с раскрепощенным интеллектуалом Генри Миллером, которому с легкостью удавалось «жить в обществе и быть свободным от общества».

СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

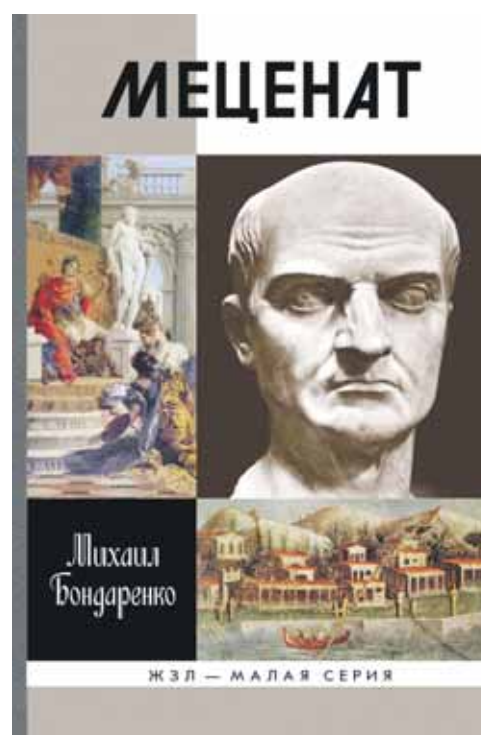
Непокорный вольнодумец, презревший легкий путь к успеху, Клод Дебюсси на протяжении всей своей жизни (1862—1918) подвергался самой жесткой критике. Самобытность его содержательного и эмоционального стиля, отличавшегося редким разнообразием и богатством звуковой палитры, не нашла понимания у большинства преподавателей Парижской консерватории и косных профессоров Академии изящных искусств. Смелый и талантливый композитор постоянно искал новые гармонии и ритмы, стремился посредством музыки выразить ощущения и образы. Большой почитатель творчества импрессионистов, он черпал вдохновение в живописи и литературе, кроме того, его не оставляли равнодушным экзотическая восточная, русская и испанская музыка. Дебюсси обогатил средства музыкальной выразительности, оркестровую и фортепианную палитру. В своих произведениях композитор сумел освободиться от романтической традиции и влияния Рихарда Вагнера, произвел революционный переворот не только во французской, но и в европейской музыке.

СОВЕРШЕННЫЕ СУПРУГИ

Муромский князь Петр и его жена, простая селянка Феврония — дочь добывавшего дикий мед «древолозца», с давних времен почитались на Руси как святые. Ныне же день их памяти, 8 июля, не только отмечен в церковном календаре, но и стал государственным праздником — Всероссийским днем супружеской любви, верности и семейного счастья. Между тем о жизни самой муромской четы нам практически ничего не известно: какую подробность, какое имя ни возьми, всё окружено ореолом тайны, всё порождает разные, порой взаимоисключающие трактовки. Сражался ли князь Петр с огненным змеем? Лечила ли его Феврония от проказы? Авторы книги — известный историк Дмитрий Володихин и иконописец Ирина Левина — взяли на себя труд разобраться в скрытых смыслах и реальной исторической подоплеке легендарной «Повести о Петре и Февронии Муромских». Повести, в которой представлены образы двух любящих супругов, проживших удивительную, полную приключений жизнь, умерших в один день и даже после смерти оставшихся вместе.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ

Имя этого человека давно стало нарицательным. На протяжении вот уже двух тысячелетий меценатами называют людей, бескорыстно и щедро помогающих талантливым поэтам, писателям, художникам, архитекторам, скульпторам, музыкантам. Благодаря их доброте и заботе создаются гениальные произведения литературы и искусства. Но, говоря о таких людях, мы чаще всего забываем о человеке, давшем им свое имя, — Гае Цильнии Меценате, жившем в Древнем Риме в I веке до нашей эры. Верный соратник Октавиана Августа, он много раз помогал ему, успокаивая волнения, раскрывая заговоры и выступая посредником на переговорах. При этом он не заискивал перед монархом и свободно высказывал свое мнение, нередко противоположное планам императора. Не имея никакой должности, Меценат обладал огромным влиянием и покровительствовал величайшим римским поэтам Горацию, Вергилию, Проперцию. Именно о нем рассказывает книга историка Михаила Бондаренко, написанная на основе скрупулезного анализа всех сохранившихся источников.

15 февраля выдающемуся отечественному ученому, специалисту в области истории России XVII–XVIII веков, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Николаю Ивановичу ПАВЛЕНКО исполнилось 100 лет. Значительная часть жизни этого признанного классика историко-биографического жанра связана с издательством «Молодая гвардия» и серией «ЖЗЛ».

Николай Иванович родился 15 февраля 1916 года в станице Уманская на Кубани. Его жизнь вместила несколько исторических эпох. Павленко застал последний год Российской империи, революции, Гражданскую войну, НЭП, эпохи становления и апогея сталинизма, хрущевскую оттепель, период «застоя», или «стабильности» Брежнева, перестройку и падение СССР, первые десятилетия постсоветской России.

В написанных им в 2008–2009 годах «Воспоминаниях историка» появляются отрывочные фрагменты из истории революции и Гражданской войны на Кубани, которые намертво впечатались в детскую память. Не без юмора автор пишет, что после того как его семью приняли в коммуны, его, пятилетнего мальчугана, решили приобщить к коллективному труду: «Плотник смастерил трещотку, с которой я должен был ходить по саду и отпугивать птиц, чтобы они не клевали плоды. Но у юного коммунара ничего не получилось — у меня не хватало силенок, чтобы вращать трещотку вокруг своей оси. Руководство коммуны в итоге отказалось от идеи моего трудового воспитания».

Николай Иванович не особенно много словен в описании своего трудного, голодного детства и отрочества. Поражают его упорство и трудолюбие, а еще — страстное желание учиться. Школьная учительница, объявившая, что «Павленко будет профессором», и не подозревая, насколько точно сбудется это пророчество.

Учеба, война, наука...

В 1933–1936 годах Павленко работал учителем в сельских школах Краснодарского края и одновременно учился на заочном отделении исторического факультета Ростовского пединститута. В 1936 году поступил в Историко-архивный институт, по окончании которого был оставлен в аспирантуре. В 1939 году — в год поголовного призыва в армию всех выпускников средних и высших учебных заведений — Николай Иванович стал рядовым бойцом, а позже офицером Красной армии.

Война отдала его мечту стать ученым. Лишь счастливая случайность позволила возвратившемуся в 1946 году в Москву с Дальнего Востока Николаю Павленко вернуться к науке. Все документы Историко-архивного института были уничтожены во время эвакуации в 1941 году, но оказалось, что, если отыщутся два свидетеля, готовые подтвердить его аспирантский статус, его восстановят в аспирантуре. Свидетели нашлись, и капитан Красной армии вновь стал аспирантом.

В 1949 году Павленко защитил кандидатскую диссертацию, посвященную истории Берг-коллегии, и вскоре был приглашен работать в Институт истории СССР. В своей пер-

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО:

вой монографии, вышедшей в 1953 году, Николай Иванович значительно расширил и углубил изучение вопросов, поднятых в кандидатской. В 1963 году Павленко защитил докторскую диссертацию «История металлургии России XVIII века. Заводы и заводладельцы». Работа эта, как и полагается фундаментальному научному труду, актуальна в своих теоретических выводах до сих пор, не говоря уже о ценности огромного фактического материала, собранного историком.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов стали временем острых дискуссий в исторической науке. Начались они на закате «оттепели», что предопределило трудность борьбы за право самостоятельно и творчески мыслить (хотя бы и в границах марксистской парадигмы). К чести для Николая Ивановича, он, заведующий сектором, не пошел на попятную, не стал «колебаться вместе с линией партии» и нашел в себе силы отстаивать те научные выводы, которые вытекали из анализа источников, а не из собрания цитат «классиков марксизма-ленинизма». В частности, это касалось природы российского абсолютизма — вопроса, весьма остро дискутировавшегося в то время. Павленко выступал против «лаптеведения» — бездумного накопления исторических деталей без должной их интерпретации.

В начале 1970-х в научной карьере Павленко начался новый подъем. В 1973 году вышел сборник статей «Россия в период реформ Петра I», научным редактором и одним из авторов которого был Николай Иванович. Для своего времени это издание отличалось новизной и даже остротой постановки и решения

целого ряда проблем, связанных с Петровской эпохой.

Биография Петра I

В 1975 году Николай Иванович дебютировал в серии «Жизнь замечательных людей» с книгой «Петр I» — первой подлинно научной и в то же время популярно написанной биографией царя. Во введении автор подчеркивал, что преобразования императора имели «громкую общенациональную значимость. Они вывели Россию на путь ускоренного экономического, политического и культурного развития и вписали имя Петра — инициатора этих преобразований — в плеяду выдающихся государственных деятелей нашей страны». Павленко опроверг тезис об одиночестве Петра в его реформах, которые, по мнению Николая Ивановича, имели прочную социальную базу и потому достаточно быстро прижились в российском обществе, несмотря на то что их реализация нередко проводилась насильственными методами.

Портрет Петра получился у Николая Ивановича ярким, но лишенным ложной патетики. Главный смысл своей деятельности Петр понимает в служении Отечеству, сведенному в его понимании к государству. Петровская служба тяжела и жертвенна. И от подданных царь требует такой же службы, прибегая иногда к убеждению, но чаще — к понуканию и палке. Петр по-своему демократичен, но это демократизм особого, самодержавного замеса, не сомневающегося в праве самодержавия вершить судьбы миллионов. Таков Петр Николая Ивановича Павленко — деятельный, деспотичный, целеустремленный, противоречивый, отвергающий низкопоклонство и угождение, «вечный работник» на троне.

Книга серии «ЖЗЛ» «Петр I» стала для Николая Ивановича рубежом, после которого он перешел к написанию научных биографий и к выявлению глубинной сути социокультурных процессов русского XVIII века.

Вместе с тем годы интенсивной работы над темой Петра были омрачены сложностями, которые возникли у Николая Ивановича в Институте истории. Самостоятельно мыслящий и не желавший молчать Павленко стал неудобен для руководства, и его сектор источниковедения и историографии сочли ненужным. Вместе с объявлением благодарности за работу Павленко получил уведомление об упразднении его должности.

В 1975 году Николай Иванович перешел на работу на кафедру истории СССР Московского государственного педагогического института (МГПИ). Глубокий анализ источников, широкая эрудиция, умение видеть в неразрывном единстве частное и целое, взвешенность оценок и тонкое чувство эпохи позволили ему — вслед за биографией царя — создать подлинно научные биографии соратников Петра и некоторых других русских монархов XVIII века.

Удары судьбы и новые свершения

В конце 1980-х в «Молодой гвардии» вышли новые книги Николая Ивановича. В 1987 году вместе с В. А. Артамоновым в серии «История Отечества в романах, повестях, документах» Павленко подготовил двухтомник «Россию поднял на дыбы» — предисловие и комментарии к роману Алексея Толстого «Петр I». А в 1989 году в серии «Памятные даты и события истории» вышла книга «27 июля 1709» («Полтавская битва»), написанная Николаем Ивановичем в соавторстве с тем же Артамоновым.

Николая Ивановича всегда привлекали деятельные исторические персонажи, отчасти, наверное, потому, что сам он — трудолюбивый. Это его качество особенно проявилось в 1990-е годы. В 75 лет Николай Иванович вышел на пенсию и, как почти все отечественные пенсионеры, оказался ограбленным. Инфляция и девальвация рубля сделали его пенсию нищенской, а трудовые накопления были и вовсе уничтожены. Однако не столько эти бедствия, сколько нежелание бездействовать заставили Павленко продолжить научные изыскания.

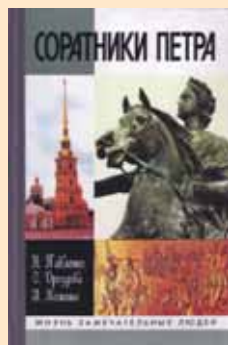
Испытания, которые выпали на долю Николая Ивановича в 1990-е, не сломали его, и он опять вышел из сложной ситуации победителем. За последние двадцать лет Николай Иванович написал целый ряд значительных работ. В 1999 году в «ЖЗЛ» вышла написанная им биография Екатерины Великой, после чего в серии вышли еще шесть книг Павленко: «Меншиков: Полудержавный властелин», «Соратники Петра» (в соавторстве с О. Ю. Дроздовой и И. Н. Колкиной), «Екатерина I», «Петр II», «Царевич Алексей» и «Лефорты».

Жанр созданных Павленко произведений оказался во многом уникален: это не исторические исследования в привычном понимании, но и не историческая беллетристика, а живой рассказ, основанный на анализе огромного круга источников и синтезе практически всей имеющейся литературы. XVIII столетие — переломное в истории страны, открывающее эпоху новой, императорской России, — предстает перед нами в биографиях главнейших действующих лиц, которые написаны живым, ярким языком и одновременно безупречно с научной точки зрения.

Поздравляя Николая Ивановича со столь грандиозным юбилеем, мы желаем ему прежде всего здоровья, крепости духа, всегдальной бодрости, жизнелюбия и оптимизма. Рады, что в «Молодой гвардии» скоро снова выйдет книга Николая Павленко: в ближайших планах — переиздание биографии Меншикова.

КНИГИ ПАВЛЕНКО В СЕРИИ «ЖЗЛ»

Для «ЖЗЛ» Николай Иванович Павленко написал 8 книг, причем отрезок между выходом первой и последней биографии составил 34 года: «Петр I» (1975, 1976, 2000), «Екатерина Великая» (1999, 2000, 2003, 2004, 2006), «Меншиков» (1999, 2005), «Соратники Петра» (2001), «Екатерина I» (2004, 2009), «Петр II» (2006), «Царевич Алексей» (2008), «Лефорты» (2009). В ближайших планах издательства — переиздание биографии Меншикова.

СТОЛЕТИЕ КЛАССИКА

«ЧИТАЕТСЯ, КАК СЫЩИЦКИЙ РОМАН»

Имя Николая Ивановича Павленко стало легендарным в студенческой среде уже в то время, когда я учился на историческом факультете МГПИ им. Ленина, то есть в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Его книга «Петр I», впервые вышедшая в серии «ЖЗЛ» в 1975 году, сразу же была признана классической. Знакомая со студентами, Николай Иванович обычно интересовался, читали ли мы ее. И добавлял, шурясь от удовольствия: «Читается, как сыщицкий роман»...

Ну а в самом конце 1990-х, когда Николай Иванович возобновил сотрудничество с издательством «Молодая гвардия», случилось так, что я стал редактором всех его последующих книг, выходящих в «ЖЗЛ». Совместная работа со столь крупным ученым и удивительно мудрым человеком стала для меня очень хорошей школой — и как для редактора, и как для историка, также имеющего дело с историко-биографическим жанром. Я благодарен судьбе за это сотрудничество.

Редактор и автор молодоговардейских книг Алексей Юрьевич Карпов

«МЫ ГОРДИЛИСЬ, ЧТО НАШ “ДЕД” НАЗЫВАЕТ БЕЛОЕ — БЕЛЫМ, А ЧЕРНОЕ — ЧЕРНЫМ»

Появление Николая Ивановича в МГПИ осчастливило не одно поколение студентов исторического факультета головного педагогического вуза страны. МГПИ был в то время одним из лучших советских учебных заведений еще и потому, что туда отправляли на «вечное профессорство» многих строптивых и свободно мыслящих ученых. Пример профессионализма, прямоты и даже «донкихотства» Николая Ивановича стал для многих будущих историков-учителей, историков-исследователей и просто талантливых в разных сферах труда выпускников факультета, — в 1960–1970-е годы истфак МГПИ был «альма-матер» почти всех известных бардов, — одной из нравственных и гражданских предпосылок их личного становления.

Своих студентов и аспирантов Николай Иванович покорял не только глубиной знаний, но и тем терпением и практически родительской заинтересованностью, с которой возился с ними, открывая секреты ремесла историка, отводя буквально за руку в архив и тратя часы, а то и дни на объяснение премудростей работы с источниками. Мы, ученики Николая Ивановича, между собой называли его «дедом» и гордились, что именно «наш дед» всегда называет белое — белым, а черное — черным; имеет мужество говорить правду не только «на кухне», где советская интеллигенция 1960–1980-х годов высказывалась достаточно смело, но и «у станка», включая официальные научные советы и партсобрания. Талант быть самим собой, как и здоровое чувство самоиронии, никогда не покидали Николая Ивановича.

Книги Павленко открыли мир подлинной реконструкции «прошлого людей» для широкого читателя. Не случайно в бытность книжных обменников там часто звучал запрос: «Нельзя ли поменять исторические романы Пикуля, Балашова, Васильева и даже Дюма на Павленко?»

Из анализа исторических документов, скучных архивных описей, следственных дел, поданных записей, челобитных, делопроизводства приказов, коллегий и прочих государственных ведомств, указов, частных писем и записок доскональным трудом Николая Ивановича, исследователя-профессионала, восставали действующие лица давно ушедших лет. Они крепко вбиты в свою эпоху — плоть от плоти герои своего времени. Многими из них, в первую очередь Петром I, Николай Иванович искренне восхищался. Павленко считал Петра великим государственным деятелем, но при этом никогда не скрывал темных сторон как личности самого императора, так и проводимых им преобразований. Чтение биографий исторических деятелей, вышедших из-под пера Николая Ивановича, — удивительно захватывающее занятие. Павленко не только видный ученый, но и мастер литературного языка. Не случайно он член Союза писателей России, с той только существенной разницей, что большая часть писателей шла от литературы к истории, а он — от истории к литературе.

Когда делаешь запрос в Интернете: «Н. И. Павленко», известный отечественный поисковик выдает не только несколько тысяч статей, но и открывает рубрику «Смотрите также». Портрет Павленко размещен там рядом с портретами таких выдающихся историков, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, А. Г. Брикнер, В. И. Буганов, Р. Г. Скрынников, В. Б. Кобрин. Для многих Николай Иванович давно уже стал живым классиком.

Но не только. Для автора этих строк Николай Иванович Павленко не просто знаменитый ученый, мэтр, давший путевку в профессиональный научный «цех», но и учитель жизни. Николай Иванович всегда являл пример честного, принципиального, настоящего человека. В наше время это встречается, к сожалению, нечасто.

Доцент кафедры отечественной истории исторического факультета МГПИ, автор книги серии «ЖЗЛ» «Алексей Михайлович» Игорь Львович Андреев

«МНЕ ИНТЕРЕСНЫ ЛЮДИ — И Я ПИШУ БИОГРАФИИ»

«Русские цари марксизма не знали», — услышали мы на первой лекции Николая Ивановича Павленко. С этого неожиданного заявления началось наше знакомство, и неожиданным в первой лекции оказалось не только начало. В отличие от других преподавателей он не стоял за кафедрой во время лекции, а ходил по Ленинской аудитории старинного особняка в переулке Хользунова, где располагался в годы нашей учебы истфак, задавал вопросы и заглядывал в тетради — проверял, записываем ли мы. Того, кто не писал, он непременно спрашивал:

— Вы почему не пишете? А? Запоминаете? У вас что — память лошадиная? — после такого вопроса, помнится, начинали писать даже отъявленные бездельники.

К тому времени в серии «ЖЗЛ» уже вышел его «Петр I», многие студенты прочитали книгу и недоумевали: как человек с такой своеобразной речью может легко и увлекательно писать так, что его книгу можно читать не только в библиотеке, но и лежа на полке в поезде? В те годы мы еще не знали, что умение одинаково хорошо выступать и писать редко когда уживается в одном человеке. В этом мы убедились позже, когда один из самых любимых студентами преподавателей, на чьи лекции мы ходили как на праздник, напечатал свою монографию — к сожалению, читать ее было невозможно.

Вторая наша встреча произошла на четвертом курсе. Предстояло выбрать спецсеминар, и мой горячо любимый научный руководитель Павел Александрович Шорин — ныне, к сожалению, покойный — посоветовал пойти к Павленко.

— У него можно многому научиться, — напутствовал он меня. И не ошибся.

На семинар нас собралось немного, помнится, человек шесть. Первое занятие было таким же своеобразным, как и его первая лекция.

— Чем изволите заниматься? — спрашивал он каждого из нас. — Экономическим развитием? Лаптеведением, значит? Да вы не смущайтесь, — говорил он, усмехаясь. — Я этому тоже дань отдал, когда металлургией занимался. Но сейчас мне люди интересны, потому я и пишу биографии.

— Ну а вы? — обратился он ко мне. — Не желаете биографией чьей-либо заняться? В архиве поработать? А? И положить, так сказать, свою личную жизнь на алтарь науки?

Положить личную жизнь на алтарь науки и отправиться в архив согласился только один из нас. Остальные, как и я, ограничились Исторической библиотекой. Тогда писать биографии было не принято, все занимались в основном социально-экономической или — редко — полити-

ческой историей. А он собирал материал для биографий «птенцов гнезда Петрова», читал спецкурс на эту тему и делился с нами своими мыслями и выводами.

— Как следует писать биографию? — спрашивал он нас, мало задумывавшихся тогда над этим вопросом. — Личность проявляется через эпоху, окружение и деяния самого исторического деятеля.

Никаких снисхождений он нам не делал, требовал, что называется, по-взрослому. Так, мне потребовалось прочитать документ, написанный на французском.

— Николай Иванович, у меня только английский.

— Ну и что? Берете словарь, грамматику и переводите. Это же французский, а не китайский. Я когда кандидатскую писал, на финском один документ должен был прочитать — и ничего, справился.

Заниматься под его руководством оказалось насколько интересно, настолько и сложно. К каждому занятию, то есть два раза в месяц, мы должны были написать и зачитать в аудитории небольшую — в одну-две страницы — текст, в котором были представлены итоги нашей двухнедельной работы. Не общие рассуждения на заданную тему, не компиляция из статей и монографий, а собственный текст. Конечно, анализу нас учили и другие преподаватели, но уметь видеть за деревьями лес — признаться, никто. Замечательно было и его отношение к нашим текстам — по-редакторски вдумчивое.

— Вы зачем это слово два раза написали? — спрашивал он меня. — А? Для усиления? Хотите усилить — подберите другое, более точное. А эта фраза — зачем? Какую она несет смысловую нагрузку? Если никакой — выбросите.

Вот так, шаг за шагом он учил нас облекать мысль в слово, выстраивать рассуждение, основывая его пусть на крупицах — но собственных изысканий, не ограничиваясь общими замечаниями, скрупулезно вникал в наши ученические штудии.

Только спустя много лет, взявшись за написание биографии для «ЖЗЛ», я оценила в полной мере уроки Николая Ивановича Павленко, богатый опыт исследовательской работы, которым он так щедро делился с нами, его умение писать. Низкий поклон вам, Николай Иванович, многая и благая лета!

Автор книги серии «ЖЗЛ» «Скопин-Шуйский» Наталья Георгиевна Петрова

Ирина ЛЕВИНА:

«НАД ИКОНОЙ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ Я ТРУДИЛАСЬ ДОЛЬШЕ ВСЕГО»

Николай Павленко — старейший автор «ЖЗЛ», а самого молодого автора — 28-летнюю Ирину Левину, выпускницу исторического факультета МГУ — принесла серия книга «Петр и Феврония: Совершенные супруги». Мы побеседовали с Ириной о работе над этой книгой, написанной ею в соавторстве с известным историком Дмитрием Володихиным.

— Какие у вас были эмоции, когда вы узнали, что вошли в число самых молодых авторов «ЖЗЛ»?

— Во-первых, это было очень неожиданно. Во-вторых, мне стало безумно радостно и приятно. А еще — это очень почетно. В голове не укладывается, что я стала одним из рекордсменов серии с такой богатой историей.

— Как давно вы знакомы с серией «ЖЗЛ»?

— С самого детства! Книжка «ЖЗЛ» у нас дома немало, и они всегда рождали во мне интерес. Недавно я читала «Ярослава Мудрого» Алексея Карпова, «Иосифа Волоцкого» Алексея Алексеева и «Сапфо» Игоря Сурикова.

— Как возник замысел книги «Петр и Феврония»?

— Исследование «Повести о Петре и Февронии» я начала еще на кафедре источниковедения отечественной истории. Затем мы с научным руководителем — Дмитрием Михайловичем Володихиным, который преподает на нашей кафедре архивоведение, — выбрали мне тему дипломной работы: «“Повесть о Петре и Февронии Муромских” как исторический источник». После того как я защитилась, Дмитрий Михайлович предложил мне продолжить сотрудничество и написать книгу для серии «ЖЗЛ».

— Сотворчество — процесс, который проистекает у всех по-разному. Как вы распределяли с Дмитрием Володихиным «зоны ответственности» при работе над книгой?

— Поначалу мы совместно работали над источником — в «Повести» много легендарного, и потребовался глубокий анализ, чтобы оценить произведение именно как исторический источник. В итоге мы пришли к тому, что «Повесть» является важной вехой в русской интеллектуальной истории XVI века. Затем я перешла к менее напряженному и более творческому изучению истории почитания святых Петра и Февронии, которые считаются на Руси покровителями семьи и брака. В основном же я изучала текст «Повести».

— Если не считать «Петра и Февронию», Дмитрий Володихин написал для «ЖЗЛ» семь книг. Какую из них вы читали с наибольшим интересом?

— Отмечу биографию митрополита Филиппа, который возглавлял Соловецкую обитель. Когда я была студенткой, я часто ездила на Соловки на практику — водила там экскурсии. Теперь хочу прочитать книгу Дмитрия Михайловича «Патриарх Гермоген».

— Как автор вы уникальны еще и тем, что предложили свою иллюстрацию на обложку, — икона Петра и Февронии написана вашей рукой. Расскажите, как вы стали иконописцем.

— Я с детства рисую и даже хотела поступать в Суриковское училище. Какое-то время я работала художником-дизайнером, а еще пять лет училась в иконописной мастерской при храме Святителя Николая в Кленниках — одной из лучших в Москве. Не скажу, что я уже постигла это искусство, — думаю, постижение будет продолжаться всю жизнь, — но написанные мною иконы можно увидеть во многих московских и подмосковных храмах. Кстати, именно над иконой Петра и Февронии я трудилась дольше всего — полтора года.

Книга «Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны» была приурочена к 95-летию Службы внешней разведки России и поистине потрясла читателей портретами борцов с фашизмом. Одни действовали в тылу врага, другие выявляли угрозу безопасности нашему государству, работая в разных странах, на других континентах. Николай ДОЛГОПОЛОВ продолжает тему предыдущих своих книг серии «ЖЗЛ», которые были посвящены знаменитым разведчикам — Абелю-Фишеру, Киму Филби и Геворку Вартамяну.

НА ПЕРЕДОВОЙ ВДАЛИ ОТ ФРОНТА

Новая книга повествует о 23 сотрудниках и агентах советской разведки. Одни в годы Великой Отечественной отважно действовали в тылу врага, другие уже в мирное время осуществляли тайные операции в разных странах и на разных континентах. Некоторые из героев книги широко известны, имена других пока еще мало что говорят читателю. Партизанка и радистка легендарного Николая Кузнецова Африка де Лас Эрас — испанка, преданно служившая новой родине, в свое время едва ли не единственная разведчица-иностранка, удостоенная за подвиги ордена Ленина. Отважный белорусский партизан Иван Дедюля — один из тех, кто шел в подпольные

отряды по зову сердца, мечтая сражаться, бить фашиста и мстить. Потомственный дворянин Александр Демьянов, которого немцы считали своим агентом Максом, а наши присвоили псевдоним Гейне. Чекист Иван Агаянц, который в 1943-м координировал операцию по предотвращению покушения гитлеровского диверсанта № 1 Скорцени на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время Тегеранской конференции...

Де Лас Эрас, Дедюля, Демьянов, Агаянц, Филби, Абель-Фишер, Гоар и Геворк Вартамян и другие — все они самоотверженно выполняли свой долг, охраняя безопасность нашей страны.

Николай ДОЛГОПОЛОВ: «Я ОТДЕЛИЛ АБЕЛЯ ОТ ФИШЕРА»

Окончание.

Начало читайте на стр. 2

«Хорошо, я попробую вам помочь», — пообещал мне чуть позже директор. С тех пор время от времени я встречался с абсолютно «закрытыми» героями разведки — не обязательно Героями СССР или России, а героями по сути. Встречи проходили исключительно интересно; корреспондента все эти интеллигентные люди видели перед собой впервые. Надо ли говорить, насколько увлекательно было слушать своеобразную исповедь разведчика, который жил на нелегальном положении двадцать с лишним лет! Мои собеседники были людьми необычными и, несмотря на преклонный возраст, энергичными; их «ай-кью» зашкаливал... Мне очень повезло, ведь в итоге я познакомился со многими живыми легендами отечественной разведки.

Собранный материал я частично использовал при составлении книги «Элита русской разведки». При этом я чувствовал, что перехожу некий рубеж: от сборников, посвященных группе разведчиков, мне хотелось перейти к книге о конкретном человеке.

— Следующей вашей книгой стала биография знаменитого Абеля-Фишера. Почему вы начали именно с этого разведчика?

— Об Абеле-Фишере я уже знал так много, что в Пресс-бюро СВР смеялись: я бурно реагировал всякий раз, когда о нем в печати появлялись какие-то неточности. «Коля, люди пишут так, как могут, — терпеливо объясняли мне. — Не все же так углубляются, как ты, его биограф. Есть еще, правда, дочь Фишера: она тоже болезненно воспринимает каждую такую статью. Но вас только двое, а для остальных всё это нормально». Так у меня возник замысел написать книгу уже не для серии «Дело №...», а для «ЖЗЛ». Генеральный директор ОАО «Молодая гвардия» Валентин Юркин и главный редактор издательства Андрей Петров меня поддержали, сказав, что биография Абеля-Фишера в серии «ЖЗЛ» возможна. В Пресс-бюро идею быстро приняли, позволили мне изучить несекретные письма Абеля-Фишера. В их расшифровке мне помогла его приемная дочь Лидия Боярская — родная дочь Эвелины к тому времени уже скончалась. Лидия Борисовна своим каллиграфическим почерком переписала все письма в отдельную зеленую тетрадку. Она не только расшифровала мне все имена — фамилии, домашние прозвища, домашнюю терминологию, но и объяснила все шутки, которые я не понимал. Так я оказался в гуще семейных отношений и разговоров, так я приблизился к пониманию этого неординарного человека.

— Смотрели ли вы фильм «Шпионский мост», в котором создан голливудский образ Абеля-Фишера?

— Смотрел, и он показался мне неплохим, но это — художественное произведение, в котором — помимо мелких ошибок и недочетов — кое-где неверно расставлены акценты. В первую очередь это касается адвоката Джеймса Донована (его играет Том Хэнкс. — С. К.), который выведен в фильме как человек, который спас Абеля. С одной стороны, это совершенно справедливо: если бы не Донован, Абеля, возможно, приговорили бы к казни на электрическом стуле. С другой стороны, Донован был профессиональным, махровым разведчиком: во время Второй мировой войны он занимал высокий пост помощника начальника американской военно-морской разведки. Всякий раз, подсаживаясь к Абелю в камеру, Донован пытался его сломать, перевербовать. И Донован не терял надежды на это до последнего момента, даже когда Пауэрс и Абель уже стояли на мосту Глиннике. Докурив последнюю сигарету, Абель сказал Доновану:

«Вот этого мне будет в СССР не хватать — привык я к вашим сигаретам!» Донован, организовавший обмен Абеля на Пауэрса, тут же ответил: «Полковник, а зачем вам идти туда? Ну вот вы показали, теперь все знают, что вы не предатель. Оставайтесь у нас — иначе вас ждет Сибирь».

Я читал по-английски книгу Донована «Незнакомцы на мосту» — талантливое произведение, в котором много сознательных искажений. Автор произведения — классный юрист, смелый защитник, спасший Абеля от более сурового вердикта судьи, и, конечно, профессиональный разведчик. Поэтому далеко не всё в этой книге истина. Но она важна как ценное свидетельство, оставленное американской стороной.

— После Абеля-Фишера вы написали о Киме Филби и Геворке Вартамяне. Работая над биографическими очерками о них для книги «Легендарные разведчики», вы действовали по принципу уплотнения материала?

— Да, я постарался сконцентрироваться на самом главном в их жизни. Самый яркий пример в этом

«Не без помощи «Молодой гвардии» Абель-Фишер стал героем-разведчиком №1»

смысле — это Ким Филби. Так получилось, что мое мнение о нем не совпало с официальным: было принято считать, что самый важный период в жизни советского разведчика Филби — это 1949–1951 годы, когда он возглавлял миссию Сикрет интеллидженс сервис при американских спецслужбах. Я же рассказал в своей книге о том, что на самом деле Филби считал своим главным делом русскую деревню Прохоровку. Переважные Филби документы, которые англичане выкрали у абвера, но упорно не хотели передавать СССР, помогли советским войскам одержать победу в крупнейшем танковом сражении в истории.

О Киме Филби было выпущено более 200 книг, но ни в одной из них не были подробно описаны те 25 лет, что Филби провел в России; я восполнил этот пробел в книгах «ЖЗЛ». Ряд интереснейших подробностей о жизни Филби я узнал от одного из его кураторов, дослужившегося в разведке до супервысоких должностей, и, конечно, от его вдовы — Руфины Ивановны Пуховой-Филби. Очень помогли его ученики, с которыми он вел занятия. Мир тесен. Нескольких этих ребят я хорошо знаю.

— Можно ли считать «Легендарных разведчиков» некой вершиной вашего творчества?

— Никакая это не вершина, это — определенный итог. Итог моего знакомства с этими людьми. Все они, за исключением Гоар Вартамян, Юрия Дроздова и Джорджа Блейка, ушли. И однажды, во время тяжелой болезни в 2010-м, я испугался: вдруг я уйду, не успею рассказать всего, ну, почти всего, что знал, что хотел, что можно. И вышло четыре книги в «ЖЗЛ». Искренне благодарю всех молодогвардейцев — от начальников, редакторов и художников до корректоров, шоферов, которые развозят мои издания и переиздания, — всех!

— Николай Михайлович, каковы ваши творческие планы?

— В последние несколько недель меня этим вопросом буквально атакуют! Прежде всего спрашивают про Абеля-Фишера. Думаю, что толчком послужил фильм... А вообще — не без помощи «Молодой гвардии» — Абель-Фишер, видимо, стал героем-разведчиком № 1, и я очень рад, что вышло уже четвертое переиздание моей книги о нем. Выходили переиздания биографий Кима Филби и Вартамяна, а недавно были переизданы и «Легендарные разведчики».

— Вы говорите о новой жизни уже написанных книг. Между тем вы писали, что в такой трудоемкой и деликатной теме, как история отечественной разведки, вы стремитесь найти новых героев, новые повороты.

— Когда я работал над «Легендар-

ными разведчиками», я очень увлекся историей жизни Надежды Викторовны Троян. Необычную биографию она выковала себе сама — своими руками. Героем Советского Союза стала в 22 года, и казалось, что это пик. Но Надежда поступила на третий курс 1-го Московского медицинского института, защитила диссертацию и доросла до вице-президента Международного Красного Креста, была советским общественным и политическим деятелем, занимала в нашем государстве большие посты. Уже второй год я пишу о ней книгу, в которой хочу показать, как счастливо — и одновременно трудно складывалась жизнь после подвига. Несмотря на звание Героя Советского Союза, ее жизнь не шла победным маршем, и ей пришлось преодолеть множество тяжелых препятствий. Об этом мне рассказывает ее сын — известный кардиолог Алексей Васильевич Коростелев. Кроме того, мы собираем отзывы людей, работавших с Надеждой Викторовной. И если эта книга увидит свет, то она будет уже не чисто о разведке, а скорее о жизни.

А еще, не претендуя ни на внушительные тиражи, ни на переиздания, я мечтаю издать в «Молодой гвардии» книгу «Из блокнота Долгополова». В «Российской газете» я веду одноименную рубрику. Не думаю, что кто-то, как я, выпил две бутылки вина с Франсуазой Саган в ее парижской квартире. Не уверен, что кому-то еще Жак Ширак читал по-русски отрывки из «Евгения Онегина». Или что есть много людей, кто общался с Пьером Карденом и Брижит Бардо...

К нам домой приходили Эмиль Кио, Борис Шаляпин и Галина Уланова, Григорий Александров и Любовь Орлова... Вспоминаю такой эпизод. Я был на работе в «Комсомолке», когда позвонил мой отец и, ничего не объясняя, попросил срочно вернуться домой. Дома я застал отца вместе с художником Николаем Александровичем Бенуа. У них не получалось открыть бутылку сухого вина — за этим я и понадобился. После этого я несколько часов слушал их беседу...

О встречах с разведчиками я в этой книге тоже, наверное, напишу. Но хочется вспомнить еще и спортсменов, советских и российских политических деятелей. Находясь в президентском Пуле, я ездил вместе с Горбачевым и Ельциным, с министрами иностранных дел — например с Андреем Козыревым — очень необычной и противоречивой фигурой.

Сергей Коростелев

Полный текст интервью читайте на сайте «Молодой гвардии» gvardiya.ru в разделе «Наши эксклюзивы».

«Когда я работал над «Легендарными разведчиками», я очень увлекся историей жизни Надежды Викторовны Троян»

ОНА БЫЛА НАШИМ АНГЕЛОМ-ХРАНИТЕЛЕМ...

В этом году ОАО «Молодая гвардия» исполняется 25 лет. 24 мая 1991 года был подписан учредительный договор об образовании акционерного общества открытого типа. Ранее – 26 ноября 1990 года – было принято постановление Бюро ЦК ВЛКСМ «О преобразовании издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в акционерное общество». Эти изменения стали судьбоносными: «Молодая гвардия» – первой из издательств – отправилась в новый, самостоятельный путь и получила шанс сохранить себя в тяжелых экономических условиях после развала СССР.

К счастью, на опасном пути обретения независимой и твердой основы «Молодую гвардию» сопровождали ее верные друзья. Одним из них была Людмила Ивановна Швецова, которая ушла из жизни 29 октября 2014 года.

11 октября 2012 года: Людмила Швецова на праздновании 90-летия издательства «Молодая гвардия» в Доме приемов МИДа России

12 октября 2012 года в Доме приемов МИДа России состоялось празднование 90-летия «Молодой гвардии». В тот вечер состоялась последняя публичная встреча молодого гвардейцев с Л. И. Швецовой, которую они чтят, благодаря за то, как много она помогала издательству. Людмила Ивановна блестяще выглядела, произнесла прекрасную речь в ответ на награду «Молодой гвардии», а во время фуршета традиционно оказалась в центре гостей. Со многими ее объединяли годы и годы совместной работы и дружбы. От этого вечера остались прекрасные фотографии. И глядя на ее одухотворенное, удивительно красивое и выразительное лицо, никто тогда и подумать не мог, что эта женщина, так искренне открытая людям, обречена... Улучив момент, я постарался перекинуться с ней несколькими словами о деловом предложении. Она в ответ лишь покачала головой. У нас созрела идея выпустить ее жизнеописание в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...». В этой библиотеке к тому времени было выпущено немало жизнеописаний людей, хорошо известных стране, но имен российских женщин среди них – раз-два и обчелся. На политическом олимпе России фигура Людмилы Ивановны так и просилась в книгу, причем с рассказом не столько о ее карьере, сколько об удивительной женщине и одаренной личности с трудной судьбой. Как-то в вечерней беседе с москвичами по телевидению она сама откровенно говорила об этом. Ее слова: «После смерти сына мне в этой жизни ничего не страшно!» – трогали до слез. Наши попытки получить ее согласие на книгу были безрезультатными. Ее близкая подруга писательница-поэтесса Лариса Васильева согласилась подготовить рукопись, но тоже не встретила поддержки со стороны Людмилы Ивановны.

Теперь остается лишь вспоминать и свидетельствовать, каким необыкновенным человеком была Людмила Швецова. Говорить в прошедшем времени о ней не очень получается. Людмила Ивановна продолжает жить в душах молодого гвардейцев, в мгновениях нашего общения с ней.

1998 год. Шла подготовка к 80-летию комсомола. В издательстве родилась мысль выпустить книгу «Россия молодая: Век XX». Первоначально советуемся с Людмилой Ивановной, в то время она – пред-

седатель Комитета общественных связей правительства Москвы. Идею схватывает мгновенно, обещает поддержать в финансировании проекта – это был период шока после дефолта 1998 года, у издательства денег просто не было. Людмила Ивановна ставит перед нами дополнительную задачу: с помощью этого издания не только реабилитировать комсомол и пионерскую организацию, но нацелить общество на необходимость использования в работе с молодежью и детьми накопленный ими опыт. Можно предположить, что не без влияния Людмилы Ивановны и в предисловии Ю. М. Лужкова появились принципиальные размышления об актуальности усиления работы с молодежью, максимального использования опыта советского времени, опыта пионерии. Людмила Ивановна соглашается дать собственное интервью для книги.

Книга «Россия молодая: Век XX» получилась столь объемной, что на презентации в здании СЭВ Борис Пастухов пошутил: «Как памятник Петру I от Церетели».

В издательстве висит фотография: Людмила Ивановна в центре стола, гибкая, стройная, выступает в связи с вышедшей книгой... Проводя гостей и друзей мимо издательских реликвий, всегда представляю: «Это Людмила Швецова – наш ангел-хранитель!» Меня поражали ее отзывчивость на всякую просьбу, готовность тут же приступить к ее реализации, полное отсутствие в поведении малейших признаков чиновничества. Много пережив, Людмила Ивановна, как никто другой, чувствовала чужую боль, чужое горе. На Руси не любят начальство, но для Люси, как ее звали подруги, и в этом было исключение. В самых разных московских кругах, будь то театралы или военные, ветераны или молодые люди, если заходил разговор о Швецовой, я обязательно слышал похвалу.

Работники гуманитарного центра «Преодоление» имени Н. А. Островского помнят, как многие годы совершались силовые попытки закрыть центр, и лишь непреклонная позиция вице-мэра Москвы позволила сохранить уникальный музей, так необходимый сегодня и завтра людям. Кстати, «Молодая гвардия» также всегда отстаивала важность этого центра.

В момент, когда некоторые учителя в Москве растерялись и не зна-

ли, как теперь оценивать творчество Николая Островского и образ Павки Корчагина, Людмила Ивановна предложила «Молодой гвардии» выпустить роман «Как закалялась сталь», а затем и трехтомник сочинений легендарного писателя. Роман увидел свет в серии «Проза века». Пятитысячный тираж был отправлен в центр «Преодоление» и в московские библиотеки. Она справедливо считала, что выдающийся образец человеческой воли чрезвычайно нужен и сегодняшней молодежи. Людмила Ивановна сама прекрасно знала классическую литературу, дружила со многими писателями. Оказавшись вместе с ней в «Литературной газете» по случаю юбилея Ю. М. Полякова, я лишний раз убедился, насколько хорошо и основательно она знает его творчество. Помнится, в 2000 году, к 55-й годовщине Победы, В. И. Десятерик предложил «Молодой гвардии» выпустить совместно с Фондом имени И. Д. Сытина две оригинальные подарочные книжечки, посвящен-

ные этой дате. Одна брошюра под названием «9 мая 1945 года. Каким был этот исторический день и каким он войдет в память народа» содержала интереснейшую подборку информации о том, что происходило в стране именно в день Победы. Вторая – сборник стихов военных лет, выпущенный «Молодой гвардией» в 1945 году. Каждая книга выходила пяти-шеститысячным тиражом. Людмила Ивановна, узнав об этом, распорядилась весь тираж вручить ветеранам войны, участникам Парада Победы на Красной площади.

Получаю вдруг ее письмо со стихами Егора Исаева – с предложением издать их в молодого гвардейской серии «Золотой жираф». Письмо наполнено любовью к старейшему поэту России. Почти тысяча этих изящных поэтических томиков поступило в библиотеки Москвы. Это был ее жизненный стиль – отдавать всё для человека, с которым она дружила, с которым столкнулась в жизни, который обратился к ней за советом или помо-

щью. Когда Людмила Ивановна ушла в Государственную думу, она неожиданно прислала, можно сказать, «прощальное» письмо. Она напомнила мне и другим адресатам, что остается нашим другом, как и прежде, никакие карьерные высоты не могут изменить наших доверительных отношений, возникших с юности и со времен комсомола. Лучше других ощущая быстротекущее время, она испытывала дефицит каждодневных связей и, несмотря на всю непривычность, все-таки сделала такой жест. Возможно, надвигающаяся болезнь продиктовала подобную форму прощания, хотя об этом тогда совершенно не думалось. Получив такое «обнаженное» письмо, нельзя было не ответить на него. Написал не сразу, ждал соответствующего настроения. Вдруг что-то толкнуло, и я взялся за перо. Передо мной лежала фотография тридцатилетней давности – Крым, Аю-Даг, простенький цеховский пансионат и человек пятнадцать обитателей – комсомольских работников, сидящих и стоящих на больших валунах. Солнечно и прекрасно. Рядом плещется море. И всё погружено в субтропическую зелень. Обычно все собиравшись вместе перед отъездом очередной смены. В центре на камне сидела Людмила Швецова, покоряющая всех улыбкой, изяществом, сердечностью.

Не знаю, удалось ли мне передать грусть от ушедшего времени, но строчкой о почтительной любви к этой замечательной женщине и другу письмо завершилось. А когда внезапно и несправедливо всё случилось, и я не мог смириться с невероятным, я не раз и не два вздрагивал от мысли: что было бы, если бы не успел с ответным письмом?

Медленно, долго, мелкими шагами, покачиваясь в потоке людей, мы продвигались к Колонному залу, где состоялось прощание с Людмилой Швецовой, а в голове сверлила мысль: что может быть наградой для такого человека, жизнь которого была всецело отдана людям и так обидно и неожиданно оборвалась? И ответ напрашивался сам собой: вот тысячи москвичей, которые медленно, долго и упорно, много часов двигались к гробу, чтобы положить цветы и молча сказать спасибо, и есть самая высочайшая награда за ее подвиг.

Генеральный директор
ОАО «Молодая гвардия»
Валентин Юркин

1998 год: Людмила Швецова на презентации книги «Россия молодая: Век XX» вместе с генеральным директором ОАО «Молодая гвардия» Валентином Юркиным и главным редактором издательства Андреем Петровым. Книга вышла к 80-летию комсомола

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ «ЖЗЛ»

Задать вопрос любимому автору, пообщаться с ним, обсудить перипетии судьбы героя, которого считаешь своим, — для многих читателей нет ничего желаннее. Когда же речь идет об авторах и героях старейшей российской книжной серии — «Жизнь замечательных людей», интерес стремительно возрастает. Клуб читателей «ЖЗЛ» — это площадка для дискуссий вокруг героев, судеб, эпох. Столкновение авторского и читательского взглядов, общение, автографы и фотографии на память. Авторы становятся ближе...

Историк балета Ольга Ковалик — о своей книге «Галина Уланова»

Первые заседания Клуба состоялись летом прошлого года. Сначала в центре внимания оказалась биография Тихона Хренникова. Автор книги Андрей Кокарев — внук знаменитого композитора — поделился воспоминаниями о своем деде и рассказал о его насыщенном профессиональном пути.

Следующим нашим гостем стал известный писатель, ректор Литературного института Алексей Варламов с биографией Василия Шукшина. Варламов подробно осветил загадки личности Шукшина, которые он попытался разгадать. Замысел фильма о Степане Разине, парадоксальный переход из «Октяб-

ря» в журнал Твардовского «Новый мир» — эти и другие шукшинские темы были затронуты в беседе автора с читателями.

Историк Ольга Елисеева, как всегда ярко и интересно, рассказала о работе над последними своими книгами — «Екатерина Дашкова», «Радищев» и «Петр III». Отвечая на вопрос, существует ли для биографа некая этическая черта, которую нельзя переступать, Елисеева назвала эту самую черту элементарным ханжеством:

— Когда я написала «Потемкина», до редактора добралась некая «потомства» великолепного князя Тавриды. Она очень хвалила прочи-

Специалист по русской истории XVIII века Ольга Елисеева раздает автографы

танное, но задавалась вопросом: зачем же автор упомянул, что у Потемкина и после романа с Екатериной II были женщины? Но книги пишутся не для того, чтобы «поглаживать» тетушек. Любовная жизнь героев создает политические и творческие коллизии. Не предпочитай княгиня Дашкова женщин, она не ввязалась бы в заговор на стороне Екатерины. Если бы Радищев со времен Лейпцигского университета не болел дурной болезнью, не свел в могилу двух жен и не заразил детей еще в утробе матери, мрачное восприятие мира не отразилось бы на его текстах столь мощно. Или вы всерьез полагали, будто он писал о крепостном праве?

Журналист, писатель, телеведущий Леонид Млечин, размышляя о русской истории рубежа XIX—XX веков, констатировал, что причины крушения могущественной и отнюдь не отсталой, как принято было считать, Российской империи по-прежнему окутаны тайной. Кроме того, Млечин поделился интересными подробностями встреч с героями своих книг. Например, вспомнил, как в детстве в одном из правительственных санаториев он вместе с родителями жал руку Александру Шелепину — уже отстраненно от власти и ставшему изгоем для

своих бывших соратников. Интересным стало и знакомство с Евгением Примаковым — тогда министром иностранных дел, о котором Млечин писал для серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...». Теперь, когда Примакова не стало, Млечин говорит, что эта книга стоит для него особняком... Ну а корни интереса к Маркусу Вольфу следует, как оказалось, искать в увлечениях матери автора — филолога и переводчицы Ирины Млечиной, которая всю жизнь занимается германской литературой. В прошлом году в «ЖЗЛ» вышла написанная Млечиной биография лауреата Нобелевской премии по литературе Гюнтера Грасса.

Доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории Лариса Кириллина — автор книги «Бетховен» — рассказала, что творчеством гениального немецкого композитора она заинтересовалась давно — еще в детские годы, а первым ее серьезным исследованием стала дипломная работа «Бетховен и теория музыки XVIII — начала XIX века». Ныне Лариса Кириллина — один из ведущих отечественных специалистов по Людвигу ван Бетховену, постоянный участник бетховенского фестиваля в Бонне. Кириллина осветила пресловутую тему глухоты Бет-

ховена. Изложенные в книге открытия современной бетховенистики — живой, подвижной дисциплины — вызвали у слушателей неподдельный интерес. Например, автор напомнила, что гипотеза о губительном влиянии свинца на здоровье Бетховена получила подтверждение в 2000 году, когда американские ученые исследовали прядь волос композитора.

В центре беседы с историком балета Ольгой Ковалик оказалась личная жизнь Галины Улановой. Этой великой балерине покровительствовали Енукидзе, Ворошилов и даже сам Сталин, однако Уланова не приближалась к власти слишком близко. Все возлюбленные Улановой принадлежали исключительно к миру искусства, а главная любовь ее жизни осталась неразделенной.

— Когда я работала в РГАЛИ, я расшифровала все письма Улановой к художнику Николаю Радлову, — отметила Ковалик. — Накал страсти там очень велик, и отрывки из лучших писем я включила в книгу.

На последней встрече в нашем Клубе о великом отечественном нападающем и тренере Константина Бескове вспоминали игравшие у него футболисты Владимир Пономарев, Валерий Новиков и Владимир Пильгуй, а также журналист Юрий Изюмов, принимавший участие в приглашении динамовца Бескова в «Спартак» в 1977 году.

Впереди у нас еще много интересных гостей, и мы призываем всех читателей скорее вступать в наш Клуб: за информацией следите на главной странице сайта «Молодой гвардии» и в соответствующем разделе: <http://gvardiya.ru/club>, а также на странице издательства в Facebook.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Для удобства формирования вашей книжной полки мы публикуем хронологический список книг, вышедших в издательстве «Молодая гвардия» в декабре 2014-го — феврале 2015 года в серии «ЖЗЛ».

Галина Уланова / Ольга Ковалик. — 559[1] с.: ил. — Вып. 1570.
 Генри Миллер / Александр Ливергант. — 295[9] с.: ил. — Вып. 1569.
 Дебюсси / Ариан Шартон. — 235[5] с.: ил. — Вып. 1568.
 Яков Блюмкин: Ошибка резидента / Евгений Матонин. — 431[1] с.: ил. — Вып. 1563.
 Петр и Феврония: Совершенные супруги / Ирина Левина, Дмитрий Володихин. — ЖЗЛ: Малая серия. — 245[11] с.: ил. — Вып. 98.
 Азеф / Валерий Шубинский. — 351[1] с.: ил. — Вып. 1572.
 Авраам Линкольн / Дмитрий Олейников. — 415[1] с.: ил. — Вып. 1571.
 Щелоков / Сергей Кредов. — 3-е изд. — 319[1] с.: ил. — Вып. 1566.

Меценат / Михаил Бондаренко. — ЖЗЛ: Малая серия. — 285[3] с.: ил. — Вып. 99.
 Илья Муромец / Александр Королев. — 373[11] с.: ил. — Вып. 1575.
 Веласкес / Александр Якимович. — 268[4] с.: ил. — Вып. 1576.
 Абель—Фишер / Николай Долгополов. — 4-е изд. — 362[6] с.: ил. — Вып. 1577.
 Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. — 2-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1578.
 Бродский. Русский поэт / Владимир Бондаренко. — ЖЗЛ: Малая серия. — 2-е изд. — 444[4] с.: ил. — Вып. 101.

Авторы книги «Бесков» Алексей Шукин и Владимир Галедин (на переднем плане) с ветеранами отечественного футбола — Владимиром Пильгуйем, Валерием Новиковым и Владимиром Пономаревым

Над номером работали:
 В. Иванов, С. Коростелев, Р. Косыгин,
 Г. Петров, Е. Чукленкова, В. Эрлихман
 Дизайн и верстка Д. Карпов
 Корректоры Т. Маляренко, Г. Платова

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцневская, 21
 Издательство: 8 (495) 787-63-85 <http://gvardiya.ru>
 Отдел реализации: 8 (495) 787-64-20; 8 (495) 787-62-92
 Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87; 8 (495) 787-63-57
 Интернет-магазин: <http://gvardiya.ru/shop/>;
<http://www.facebook.com/gvardiya.admin>; 8 (495) 787-95-59

Отпечатано в типографии ООО «Печатный Дом». Тел.: (495) 771-34-76

Тираж 1000 экз.